м.кузмин овый Гуль.

м, кузмин

новый гуль

"A C A D E M I A" 1924 Обложка работы Д. И. Митрохина.

Настоящее издание напечатано в типографии Первой Ленинградской Трудовой Артели Печатников (Моховая, 40), в количестве 1000 экв., из коих 950 иомерованных и 50 именных.

Эквемпляр № 132

Посвящается Л. Р.

вступление.

Американец юный Гуль *) Убит был доктором Мабузо: Он так похож... Не потому ль О нем заговорила муза? Ведь я совсем и позабыл, Каким он на экране был!

Предчувствий тесное кольдо Моей душою овладело... Ах, это нежное лидо, И эта жажда жизни смелой, И этот рот, и этот взор, Где спит теперь мой приговор!

^{*)} Гуль и гипнотизер Мабузо—действующие лица в известной кинематографической картине «Доктор Мабузо». Взаимоотношения их отчасти выясняются из данного стихотворения. М. К.

Все узнаю... вот он сидит (Иль это Вы сидите?) в ложе. Мабузо издали глядит... Схватились за голову... боже! Влюбленность, встречи, казино... Но выстрел предрешен давно.

Конечно, Вы судьбе другой Обречены. Любовь и слава! У жизни пестрой и живой Испив пленительной отравы, Направить верно паруса Под золотые пебеса.

Но так же пристально следит За Вами взгляд, упрям и пылок. Не бойтесь: он не повредит, Не заболит у Вас затылок. То караулит звездочет, Каким путем звезда течет.

Mapr 1924.

ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1924 года.

Ты слышишь ветер? Солиде и февраль! Зеленый рай, Тристанов Irish boy! Крестильным звоном задрожал хрусталь... Ленивых тополей теперь не жаль: Взвился пузатый парус над тобой.

— Подобно смерти промедленье. — Один восторг, одно волненье Сулит летучее движенье, Где радостна сама печаль.

Не писанная—мокрая река, Не призрачный—дубовый, крепкий руль, Жасминный дух плывет издалека... И разгорается заря, пока Не перестанет улыбаться Гуль...

> В любви расплавятся сомненья. Одна весна, одно влеченье! Протянута, как приглашенье, К тебе горячая рука.

Февраль 1924.

Античность надо позабыть Тому, кто вздумал Вас любить, И отказаться я готов От мушек и от париков. Ретроспективный реквизит Ненужной ветошью лежит, Сегодняшний, крылатый час Смеется из звенящих глаз, А в глубине, не искривлен; Двойник мой верно прикреплен. Я все забыл и все гляжу,—И «Orbus pictus» *) нахожу.

^{°) «}Огрив рістия».—«Вселенная в картинах»—распространенные в старину альбомы—географическая, этнографическая, историческая и ремесленно-художественная наглядная энциклопедия. Особенно замечателен «Orbus pictus» Д. Ходовецкого с учениками.

Тут — Модарт, Гофман, Гете, Рим, — Все, что мы любим, чем горим, Но не в туман облечено, А словно брызнуло вино Воспоминаний. Муза вновь, Узнав пришелиду любовь, Черту проводит чрез ладонь... Сферически трещит огонь...

Февраль 1924.

Я этот вечер помню, как сегодня... И дату: двадцать третье ноября. Нас музыка, предестнейшая сводня, Уговорила, ветренно горя.

Недаром нел я «Случай и Дорину» *), Пропагандируя берлинский нрав! Мне голос вторил: «Вас я не покину, Открой глаза, сомненья отогнав».

Вдруг стало все так ясно, так желанно, Как будто в руку мне вложили нить. И я сказал: «Быть может, это—странно, Но я Вас мог бы очень полюбить!»

С каким слова приходят опозданьем! Уж сделался таинственным свиданьем Простой визит, судьбу переменив. А дурочка Дорина с состраданьем Нас слушала, про шимми позабыв, Как будто были мы ее созданьем! Февраль 1924.

^{*) «}Дорина и случай» (Dorine und der Zufall)--оперетта Жильбера 1923 г.

4.

Разлетаются, как итицы, Своевольные мечты. Спится мне, или не спится, Но всегда со мною ты. Притворяться не умею, А всего сказать не смею,

И робею, И немею У пленительной черты.

От весеннего нохмелья
Каруселит голова...
Сладость этого веселья
Мие внакома и нова!
Как должны быть полновесны,
Необычны, неизвестны,

И чудесны, И прелестны Легковейные слова! И беру, приготовишкой, Логарифмов толстый том. Не поэтом, а воришкой Чувствую себя во всем! Но заминки, заиканья, Неумелость, лепетапье,

И молчанье, И желанье— Все о том, о том, о том!

Февраль 1924.

5.

К Вам раньше, знаю, прилетит грачи, И соловьи защелкают на липах, И талый снег в канавах побежит... Но ласточки, что делают весну И вечера жемчужные пророчат, Уж прочертили небеса мои, И если легкой рябыю ваших глаз Коснулися,—то было отраженье Моих зрачков, упорных и смущенных.

Февраль 1924.

Он лодку оттолкнул. На сером небе Заметил я неясную фигуру. Высокий, плоский берег только тучи Давал мне видеть, да пучки травы. Его лицо наклошено ко мне... Я пристально старался угадать, Не тот ли он, о ком мне говорили. Глаза смотрели смело и легко, Прелестный рот, упрямый подбородок, И ожидание далеких странствий, Друзей, завоеваний и побед... Но в юности такое выраженье, Пытливое и нежное, встречаем Довольно часто... Вдруг он улыбнулся. Я посмотрел еще раз и сказал: «Мие говорили... нас предупреждали, Что в этом месте, в этот день и час Мы встретим человека, по приметам

Похожего на Вас. Он-тайный друг И уготован для любен и славы, Выть может, это Вы? Тогда садитесь, Поедемте, -- нам надо торониться. Но может быть... Я слышу запах роз... Высокий берег этот так недепо Устроен, что никак нельзя узнать, Что дальше там находится. Наверно, Там-поле, сал и Ваш отповский дом, Невеста и шотландская овчарка... Пожалуй, все это придется бросить, Коль не хотите, сидя Вы на месте, Скончаться мирно мировым судьей. А если, мистер, Вы — простой прохожий И просто так мою толкпули лодку, Благодарю Вас и за то. Услуги Я не забуду Вашей... Добрый путь!.. А очень жаль!..»

Mapr 1924.

Слова — как мирный договор: Параграфы и пункты, Но прозвенел веселый взор, Что к плаванью весна.

Взлетит волна, падет волна... Мы не боимся качки! Кому Голконда суждена, Тому — не гладкий путь.

Люби одно, про все забудь! За горизонтом звезды... В единый вздох вместила грудь И море и поля.

Стою у смуглого руля, — Везлюдно в плоском блеске, Но с мачты, пристани суля, Любовь кричит: «Земля!»

Март 1924.

8.

Я мог бы!.. мертвые глаза Стеклянятся в прорезах узких, И ни усмешка, ни слеза Не оживят их отблеск тусклый... Целую... ближе... грудь тепла... Ни содрогания, ни пульса... Минута в вечность протекла... Непререкаемо искусство!

Я мог бы!.. в комнате своей Встаете Вы. Луна ущербна. Сомнамбулических очей Недвижен взгляд. Утихло сердце... Проспект, мосты, и сад, и снег—Все мимо... Незаметно встречных... Автоматический свой бег Остановили... Дверь и свечи...

Я мог бы, мог!.. Напрасный бред! Надежде верить и не верить, Томительно ловить ответ В твоих глазах прозрачно серых, Вэлетать и надать... Жар и лед... Живое все — блаженио шатко, — Таких восторгов не дает Каббалистическое счастье.

Март 1924,

Уходит пароходик в Штеттип, Остался я на берегу. Не знаменит и незаметел, — Так больше жить я не могу!

Есть много разпых стран, конечно, Есть много лиц, и книг, и вин, — Меня ж приковывает вечно Все тот же взор, всегда один.

Ведь не оставишь сердца дома, Не запереть любви на ключ... Передвесенияя истома, Хоть ты остановись, не мучь!

Ну, вот и солиде, вот и тает... Стекло блестит, сверкает глаз... Любовь весенними считает Лишь те часы, что подле Вас. Мы ясновидим не глазами, Не понимаем сами, чем, А мне весь мир открыдся Вами, Вдали от Вас я — слен и пем.

Без Вас и март мне не заметен, Без Вас я думать не могу... Пусть пароход уходит в Штеттин, Котда и Вы — на берегу.

Март 1924.

10.

Я имени не назову... Ни весел, ни печален, Посеял садовод траву На выступе развалин.

Свирель поет, Трава растет, А время быстрое не ждет.

Прогулкой служит старый вал, Покрыт травою юной. Влюбленный всякий повидал И башенку за дюной,

И дальний бор, И косогор, И моря плоского простор... Пришел и прежний садовод:

— Ого, как луг-то зелен!

Не думал я, что проживет

Зерно в сепи расселин!

— Медвяный дух,

Жужжапье мух,

жужжанье мух, Да вдалеке дудит настух.

Находит сладкий, теплый сои... Вдруг голос, прост и тонок, Поет: «Ты спишь, Эндимион, Магический ребенок!

Меня взрастил, Себя пленил, Прими ж приток взаимных сил».

Март 1924.

11.

Держу невиданный кристалл, Как будто множество зеркал Соединило грани. Особый в каждой клетке свет: То золото грядущих лет,

То блеск воспоминаний.

Рука волшебно навела
На правильный квадрат стекла
Узорные фигуры:
Моря, леса и города,
Потоки, радуга, звезда,
Все «тапиства Натуры».

Различных лид летучий рой: Поэт, отшельник и герой,
И звуки и дыханья.
И каждый быстрый поворот
Все новую с собой несет
Игру и сочетанье.

Когда любовь в тебе живет, Стекла ничто не разобьет: Ни молоток, ни пуля. Я ближе подхожу к окну, Но, как кристалл ни поверну, — Все вижу образ Гуля.

Март 1924.

оглавление.

							CTP.
	Вступление	٠					9
e limited	Ты слышшы ветер?			٠	•	•	13
2.	Античность надо позабыть	•		,	٠	4	14
3.	Я этот вечер помню, как сегодня	4	•	•		•	16
4.	Разлетаются, как птицы	٠	•			4	17
5.	К Вам раньше, знаю, прилетят грачи					9	19
6.	Он лодку оттолкнул	•			e		20
7.	Слова, как мирный договор	•			٠		22
8.	Я мог бы!	•			٠	9	23
9.	Уходит пароходик в Штеттин						25
10.	Я пмени не назову	٠			•		27
11.	Держу повиданный кристалл		a			p	29

книгоиздательство

"A C A D E M I A"

Ленинград, Пр. Володарского, 40. Москва, Тверская, 29.

Москва, Тверская, 29.			***				
			II A.				
Иннок. Анненский—Тихие песни	f	p.		к.			
Анат. Наль-Элегии и стансы							
М. Кузмин-Параболы							
А. Пиотровски ії—Падение Елены Лей	1	>>	-	>>			
Н. Евреппов. Драматические сочине-							
ния, т. 3-й	1	2)	30				
Анри де-Ренье-Оттенки времени	Ĺ	>>	60))			
— Кашкулы скромного молодого человека	1	>>		>>			
— Дважды любимая							
— Встречи господина де-Брео							
В. Жирмунский-Рифма, ее история и							
теория	Ą.))	80))			
Б. Томашевски й-Русск. стихосложение	1	30	_))			
Оск. Вальпель-Проблема формы в							
поэзии. Со вступительной статьей проф.							
В. М. Жирмунского: «К вопросу о							
формальном методе»		33	40))			
Ю. Тынянов-Проблема стихотворного							
языка		33	90	n			
Б. Эйхенбаум — Сквозь литературу .		>>	60	3)			
В. Жирмунский-Байрон и Пушкин.	2	>>	80))			